

УДК 81'373.612.2 + 81'42

UDC 81'373.612.2 + 81'42

КОАЛИЦИОННЫЕ СУППОЗИТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ XX–XXI ВЕКОВ

COALITIONAL SUPPOSITIVE METAPHORS IN THE LANGUAGE OF THE RUSSIAN AND BELARUSIAN POETRY OF THE XX–XXI CENTURIES

С. Б. Кураш,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусской и русской филологии
МГПУ им. И. П. Шамякина

S. Kurash,

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Belarusian and Russian
Philology, MSPU named after I. Shamyakin

Поступила в редакцию 30.10.19.

Received on 30.10.19.

Статья посвящена исследованию суппозитивных коалиционных метафор (метафорических конструкций с личным местоимением 1-го лица множественного числа «Мы») в языке белорусской и русской поэзии XX–XXI веков. Характеризуются выявленные на материале текстов белорусской и русской поэзии XX–XXI веков модели и разновидности суппозитивных коалиционных метафор, иллюстрируемые конкретными примерами.

Описываются основные типы языковых конструкций, реализующих метафоры такого рода. Делается вывод о сходстве моделей метафорической репрезентации лирического «Мы» в поэтических текстах русских и белорусских авторов с точки зрения семантики и структуры. При этом отмечаются определенные национально-стилевые особенности анализируемых конструкций с точки зрения их текстового, когнитивно-дискурсивного и лингвокультурного потенциала.

Ключевые слова: суппозитивная коалиционная метафора, поэтический текст, лирическое «Мы», метафорическая модель, белорусская поэзия, русская поэзия.

The article is devoted to the study of suppositive coalition metaphors (metaphorical constructions with the personal pronoun of the 1st person plural "WE" as a "left element") in the language of the Belarusian and Russian poetry of the XX–XXI centuries. The models and varieties of suppositive coalition metaphors identified on the basis of the material of the texts of the Belarusian and Russian poetry of the XX–XXI centuries, illustrated by concrete examples, are characterized in the article. The main types of language constructs that implement metaphors of this kind are described. It is concluded that the models of the metaphorical representation of the lyrical "WE" are similar in the poetic texts of Russian and Belarusian authors in terms of semantics and structure. At the same time, certain national-style peculiarities of the analyzed structures are noted in terms of their textual, cognitive-discursive and linguocultural potential.

Keywords: Suppository coalition metaphor, poetic text, lyrical "WE", metaphorical model, Belarusian poetry, Russian poetry.

Введение. Структурно-композиционную организацию метафорических конструкций с личными местоимениями (суппозитивных метафор) В. Д. Стариченок характеризует следующим образом: «Первый компонент (левая часть) таких структур представлена личным местоимением (обычно это подлежащее, своеобразная тема высказывания), которое в определенных контекстных ситуациях как бы «опредмечивается» и используется в качестве информационно-образного кода. Второй компонент (правая часть) – это предикативный центр (рема высказывания, ядерный компонент смысловой структуры), носитель наиболее важной информации. В правой части (обычно выражается существительными и зависимыми от них словами) раскрывается содержание личных местоимений, реализуются их семантические потенции в виде определенных заместителей» [1, с. 204].

В продолжение и развитие наблюдений В. Д. Стариченка в данной статье мы предпринимаем попытку выявления текстового, когнитивно-дискурсивного и лингвокультурного потенциала метафоры как средства структурирования Мы-концепта в текстах белорусской и русской поэзии XX–XXI веков.

В грамматиках русского и белорусского языков местоимение мы квалифицируется следующим образом: «Мы ... означает: я и еще кто-нибудь другой или другие» [2, с. 177]; «Местоимения *мы* и *вы* не являются формами множественного числа от местоимений *я* и *ты*, так как они указывают не на не-

скольких или многих *я* или *ты*, а на лицо говорящего совместно с другим лицом или лицами (*мы*) или на лицо собеседника совместно с другим лицом или лицами (*вы*)». [3, с. 388]; «Личное местоимение 1-го лица множественного числа *мы* обычно обозначает группу лиц, в которую входит и говорящий» [4, с. 274]. Л. А. Гогтишвили предлагает следующую типологию «мы-позиций»: 1) коалиционное «мы» речевых центров высказывания; 2) коалиционное «мы» говорящего со слушающим, противопоставленное чужим речевым центрам; 3) широкое коалиционное «мы», объединяющее *я*, *он* и *ты* [5, с. 634–637].

Метафорические конструкции с местоимением Мы в «левой части могут быть», таким образом, квалифицированы как «суппозитивные коалиционные метафоры».

Основная часть. Наблюдение над языковым материалом показывает, что метафорическому структурированию могут подвергаться различные аспекты Мы-концепта в самом широком спектре оценок (собственно коммуникативном, аксиологическом, культурологическом, социокультурном и пр.). Наиболее характерными для обоих исследуемых национальных поэтических дискурсов являются следующие метафорически структурированные ракурсы лирического «Мы».

1. Коалиционные метафоры в текстах русской и белорусской поэзии выступают в качестве средства концептуализации идеи **единения лирическо-**

го Я с окружающими людьми, социумом, природой, Космосом, идеи сходства судеб, предназначения, общности идеалов, нередко направленные «на выявление закономерностей в характере всего человечества: *Деточка, все мы немножко лошади...* (В. Маяковский); *Дзеці мы – людзі. / Птахи мы – людзі* (Д. Бічэль-Загнетава)» [6, с. 13]. Ср.: *І думаем міжволі, / што ў вечнасць / Усе мы з вамі – мост перакідны* (А. Сербантовіч); *Нас рухае нямы / кругазаарот нязморны. / У прадчассі плену, мы – / нібы зярняты ў жорнах* (А. Разанаў); *Ішлі ў апошні бой яны, / Радзімы нашай абаронцы, / Каб мы, заложнікі вайны, / Звяралі шлях зямны па сонцы* (М. Маляўка); *Мы – вольныя арлы, / Радзімы нашай дзеці, / Хто мае права нас нявечыць, зневажаць? / Мы – вольныя арлы, з адвагай і надзеяй / Мы волю к барацьбе павінны прабуджаць / За шчасце, за жыццё!* (К. Буйло); *Оба мы – песчинки в мироздании* (П. Антокольский); *Мы – искры от единого костра, / Мы – воедино слившиеся души* (Е. Кузьмина-Караваева); *Мы все – родные братья, / А имя нам – народ* (Д. Кедрин); *Мы – это воля людей, устремленных / только вперед, вперед!* (А. Прокофьев); *Мы, – пленники Природы, – все мы / Окаменевшие костры* (К. Эрберг); *В мире мы – гости, / Всё – чужое. / И, как ни один хозяин, / Ты можешь сказать: «Мое»* (М. Кузмин).

Особой разновидностью подобной МЫ-позиции в лирике является «МЫ дружеское / любовное», ср.: *Затканы ліўнем сцэжкі і дамы, / пераспяваць прыроду я не ў сіле, / хоць і ў слабога вырастае крылле / ад думак, што зліліся лёгка ў «Мы»* (Р. Баравікова); *Мы – те нити, которыми нежно / Безнадежная сшита любовь, / И покоится плат безмятежно / Над хранилищем светлых даров* (Ю. Анисимов); *Мы – натянутые в небо / Две стрелы! / Мы одни на рынке мира / Без зраха. / Мы // Из Вильяма Шекспира / Два стиха* (М. Цвегаева).

В данной группе метафорических построений особое внимание обращают на себя следующие тематические группы.

1) метафоры со сферой-источником «семейно-родственные отношения», ср.: *Мы – тройчы дзеці ў вечным крузе: / Мы – дзеці роднае сямі, / І – дзеці Маці-Беларусі, / І – дзеці Матухны-Зямлі* (Н. Гілевіч); *Мы – крычаў яна, мы – дзеці Прысожжа, / У міры, у радасці хочам мы жыць* (Т. Кандраценка); *Мы – Тае дзеці, Тае лігерымы, / мы ідзем шляхамі Таімі... над сонцам Вялікага Княства / Рэчы Паспалітай* (Д. Бічэль); *Мы – нашчадкі разбураных казак, / Дзе разгульваюць здані* (М. Шэлехаў); *Увяскарсіць бы ўсіх на міг, / Каб паглядзелі абаронцы, / Як сёння мы, нашчадкі іх, / Звяраем шлях зямны па сонцы* (М. Маляўка); *Мы – Лады сыновья, но кто был наш отец – / Не ведает никто* (А. Кондратьев); *Мы сыновья одной семьи, / Мы проживем – века* (П. Антокольский); *Надо нам / Земным сынам / Не охать, / Гнать похоть, / Блуда бояться, / Зря не смеяться* (Е. Кропивницкий); *Нам, только нам горька она была, / Ее сынам, печаль земли родимой* (А. Твардовский); *Мы Советского Союза / Верные сыны* (Е. Полонская); *Пусть толь-*

ко серые, все мы повстанем, / Сыны полей и орала (Э. Багрицкий); *Довольно / в люлечных рифмах няничко – / нас, / пятилетних сынов зари* (В. Маяковский); *Всё лучшее земли давно другими взято, / Но мы, твои сыны, покончившие путь* (К. Случевский); *Друг, мы – дети единого лона. / Я не ангел, к тебе благосклонный, / Я не злая судьбина людей* (В. Набоков); *Но всё же мы народ единый, / Единой матери сыны* (Ф. Тютчев). Подобные конструкции в максимальной мере концептуализируют идею «широкого коалиционного «мы» (по Л. А. Гоготишвили), объединенного одной историей, судьбой, предназначением, мировосприятием. Особенностью русского поэтического дискурса в этом плане является тенденция к стилистической возвышенности контекста за счет частотного употребления в качестве «правого элемента» метафоры поэтически маркированной лексемы *сыны*. В белорусских контекстах аналогичного плана в этой же функции доминирует лексема *дзеці*, а в качестве ближайших контекст-партнеров в большинстве случаев фигурируют лексемы типа *Беларусь, радзіма, маці-радзіма* региональные названия и т. п.;

2) метафоры со сферой-источником «мир природы» (органистические метафоры): *А песня свая і мова / Нам оадзены недарма: / Народа няма напалову – / Ён ёсць ці яго няма. / І нельга забыцца, пазбыцца – / Яны не даруюць нам: / Мы з іх – як рэчка з крыніцы. / Выходзім насустрач сынам* (В. Зуёнак); *Мы – последние листья на ветке осенней, / Многих ветер, играя, унес* (Л. Алексеева); *Мы – ржавые листья / На ржавых дубах...* (Э. Багрицкий); *Все мы – яблони и вишни / Голубого сада* (С. Есенин); *Все мы – гроздь винограда / Золотого лета* (С. Есенин); *И нас – два колоса несжатых – / Смогла на миг соединить / В степи на выжженных раскатах / Осенней паутины нить* (М. Зенкевич);

3) техногенные метафоры (сфера-источник – «машины и механизмы»), ср.: *Па сутнасці Зямля – прыродны касмалёт. / А як яшчэ інакш назваць планету? / Яна ж ляціць ужо мільёны год / У глыбіню бязмежнага сусвету. / Але ляціць не проста ў белы свет, / А к мэце той, к такому небасхілу, / Куды, я ўпэунены, з усіх планет / Адной маёй Зямлі дамчаць пад сілу. / Нас кліча ўладна далячынь нябёс. / Мой любы ўнук, хачу, каб змалку знаў ты: / Сыноў Зямлі чакае зорны лёс, / Мы ўжо ад нараджэння касманаўты. / Мы сталая каманда карабля, / Касмічнага, блакітнага, як ранне...* (А. Зарыцкі);

4) этнонимные метафоры, ср.: *Усе мы – шукальнікі шчасця. / Усе мы ў душы цыганы* (А. Грачанікаў); *Увесь наш свет – вялікі табар, / І ўсе мы – трохі цыганы* (Р. Барадупін); *Мы – те, об ком шептали в старину, / С невольной дрожью, эллинские мифы: / Народ, взлюбивший буйство и войну, / Сыны Геракла и Ехидны, – скифы* (В. Брюсов); *Херувимы мы иль черты – / Все мы отпрыски цыган!* (К. Случевский).

2. «МЫ» может концептуализироваться как *малая часть чего-то огромного, неизмеримо большего* (Вселенная, космос, человечество и т. д.), ср.: *...Мы – ноты / У чалавечым канцэрце* (П. Макаль);

На скрыжаваннях сусвету / Хто мы і колькі нас? / Пылінка. Малая пры гэтым. / Драбок галактычных мас (В. Зуёнак); Усе мы літары / Зямлі – / Зялёнай кнігі (Р. Барадулін); Мы – тоненькая плёночка жывых / Над темным неизбывным морем мертвых (И. Елагин).

3. Противоположный по отношению к рассмотренному выше случай – это метафорическая репрезентация лирического «Мы» в контексте **семантики большого множества** (Много, Простор, Космос, Абсолют, История), ср.: Мы, то есть история, / мы, то есть космос, / мы – мол в океане (Б. Слуцкий); Сказать по правде, мы – уста пространства / И времени... (А. Тарковский); Мы – повстанцы вселенной, мы – боги / Легендарного дня (Д. Андреев). Для белорусского лирического дискурса подобная Мы-позиция в целом не характерна и представлена единичными примерами, ср.: Мы толькі ходзім па зямлі; / А думкі нашыя ў нябёсах. / І Млечны Шлях, / Як вечны посах, / Відзён з туманнай араллі, / Каб не забыўся напамін, / Што зоры – / Нашых мар радзіма (Р. Барадулін).

4. Весьма близкими в концептуальном плане являются метафорические конструкции, реализующие Мы-позицию с общей **семантикой силы, всемогущества, героизма, социального обновления** и т. п. (своеобразное «Мы-советское»). Подобные конструкции – одна из ярчайших жанрово-стилистических примет поэзии первых десятилетий советской эпохи, ср.: А мы шляхі вярнуцца знойдзем, / Як вырай іх знаходзіць век, / па сонцу, што над намі ўзойдзе, / па звону беларускіх рэк (М. Танк); Як навалыцай, сілай шматмільённай / Змяцём забойцаў племя мы з зямлі (П. Панчанка); Мы самі крылы набывалі / У цяжкай працы векавой, / Для ўзлёту гарт ім надавалі Агнём і ўпаснаю крывёй (А. Пысін); Мы – маладыя, як рэвалюцыя, / Гроуны агню, як гартуюныя домны (П. Броўка); Партыі любімае мы дзеці. / Мы яе жаданню будны рост (П. Броўка); Мы – это фронт. И в трусости, пожалуй, / Нас явню невозможно предупредить! (А. Прокофьев); Мы – свой мир осознавшие звери, / Мы – совет мировых воротил (М. Тарловский); Счастье народа мы с бою возьмем, / Мы – красный полк Варшавы (Э. Багрицкий); Мы – новое время – / в разгромленной доле / Стоим / на летящей куда-то земле (В. Луговской); Мы – молодость мира, / мы только на старте, / мы только / от города / взяли ключи, / и вы нас / не гните, / вы нас / не старьте, / мы – / новых повадок и дел / москвичи (Н. Асеев); Мы – / добытчики завтрашних дней / И сегодняшних ассенизаторы (С. М. Третьяков); Мы – кормчие мира, мы – боги и дети, / В пурпурный Октябрь повернули рули! (Н. Клюев).

Подобного рода метафорические построения нередко реализуются на уровне целых текстов, например: «Мы» (В. Кириллов); «Мы» (В. Маяковский); «Мы – наступление» (Н. Ушаков); «Двести пятьдесят миллионов» (П. Антокольский); «Мы победим» (П. Герасимов) и др.

В поэтическом дискурсе советской эпохи представлены и такие метафорические Мы-позиции, ко-

торые находятся в своеобразной концептуальной оппозиции к метафорически структурированному «Мы-советскому», ср.: Нам не шелк, одна овчина, / Мы – несчастливый народ. / И в тетрадах чертовщина, / И в судьбе нашей не прет! (О. Мандельштам); Так, скромные, богоугодные, / Душой и телом – благородные, / Дорожкой простонародною – / Так, доченька, к себе на родину: / В страну Мечты и Одиночества – / Где мы – Величества, Высочества (М. Цветаева); – Ой, Боже, да кто ж вы? / – А мы – бездорожье, / Дубленая кожа, / Дрянцо, бессапожье, / Ощелья, отребья, / Бессолье, бесхлебье, / Рвань, ягоды волчьи, / Да так себе – сволочь! (М. Цветаева).

5. В ряде случаев метафорически структурированная Мы-позиция реализуется в контекстах с общей семантикой **темпоральности, реализующих мотив человеческого пребывания в этом мире, текучести и невозвратности времени** и т. п. Ср.: Мы – слова такого письма, / Якое ў вяках не сатрацца (П. Макалю); Ёсць ланцуг / між мінулым і тым, што ідзе... / Мы – як звёны таго ланцуга! (Г. Аўлапенка); Мы – ўдзельнікі драмы і фарса, / Часовыя гэсці Зямлі (С. Грахоўскі); Мы – пражыце персоны, – / Смутный сон в твоей весне... (С. Чоный); Мы – пилигримы и краток наш путь на земле, / Эта же встреча – она бесконечно продлится, – / Всех до единого я различу вас во мгле... (В. Блаженный); И мне, мелькая мимо, дни / Напоминают пенной сменой, / Что мы – мновечные огни – / Летим развеянною пеной (А. Бепко); Это смерть так мудро повелела, / Мы – ее рабы и сателлиты... (М. Горький); Мы – времени рабы, / Распятие в пространстве (Г. Глинка).

6. Следующая группа примеров иллюстрирует выдвигание на первый план оценочных коннотаций (в большинстве случаев – негативных), сопровождающих **самоидентификацию в совокупности с идеей объединения многих Я в Мы**, ср.: Мы – як чужынцы. / Нас не разумеюць / Ні кіяскеры, ні культпрацаўнік (Л. Рублеўская); Мы ўжо сябе выракаемса самі, / Нібы рагацікі з-пад карчоў (Р. Барадулін); Мы, дамашчыныя філосафы, / зрабілі чарговае адкрыццё... (А. Письмянкоў); Что мы?! / Мы – азиаты. / И их рабов, / чтоб не смели мычать, / пером / обложил / закон многолистый (В. Маяковский); Мы – самозванцы, / Выдающие себя / За собеседников богов (Д. Самойлов); В семье отцов мы – жалкие пигмеи (О. Мандельштам).

7. Следующая модель – **референциальное соотнесение «Мы» с группой неживых объектов**, в результате чего последние могут олицетворяться, а «Мы», наоборот, – деперсонифицироваться, ср.: Мы з гадамі, як ракаўкі, дзе / Глуха мора надзеі гудзе, / Калі вечнасць падносіць да вуха (Р. Барадулін); Мы, стрыманыя камяні, / Трываем вежы, камяніцы (...) Мы – стомленыя валуны, / Маршчыны зніклі з нашых шчокаў (Р. Барадулін); Крыж – гэта мы, / Што ўсё ўхапіць хацелі / І нецярпліва рукі развялі (Р. Барадулін); Мы – / действующая армия журналов и газет (В. Маяковский); Мы – только масло для машины (Вс. Рождественский);

Мы – столб остывающей ртути (М. Тарловский);
Мы – летящая стая хвостатых комет (А. Белый).

8. Метафорическое воплощение лирического МЫ в метаязыковом контексте. Данная модель представлена сравнительно немногочисленными примерами, демонстрирующими рефлексивный вектор в поэтическом осмыслении сущности лирического «МЫ», ср.: *Хто мы? / Адказаць павінны самі, / Каб, і адышоўшы на клады, / Прашумець дажджамі, / Як лясамі. / Хай за намі ўслед / Растуць гады!* (Р. Барадулін); *Я мечтал: наше «мы» – крылато, / И взлетит оно над судьбой* (К. Эрберг); *Пусть в розницу идут слова, / Как хочешь назови нас, – / Пусть жизнь товар и смерть товар, – / Не продается голова / И сердце не на вынос* (Е. Полонская).

9. Структурирование лирического «МЫ» посредством апелляции к прецедентным феноменам. В первую очередь здесь следует отметить широкое использование ономастической метафоры (И. Э. Ратникова) в качестве опорного компонента «правой части», ср.: *Мы – / Эдисоны / невиданных взлетов, / энергий / и светов (...)* *Мы – / Маркони / гигантских взлетов, / энергий / и светов* (В. Маяковский); *Мы – Вагнер, Винчи, Тициан. / Мы новому музею-зданию / Воздвигнем купол, как Монблан* (М. Герасимов); *Мы – огнемечущая Этна, / Сорвали пыльный шлак оков* (М. Герасимов); или в ближайшем контексте, в качестве распространителя опорного компонента «правой части», ср.: *Янка Купала – эта мы. / Мы, якімі павінны былі быць, ды не збыліся* (Р. Барадулін); *Мы – лучи Люцифера, восставшего в звездном чертоге* (Д. Андреев); *Мы – тень Мамаевой орды* (Н. Тихонов); *Мы – ваших слабых душ Молохи* (Н. Минский); *Мы – зараженные совестью: в каждом стеньке – святой Серафим, / Отданный тем же похмельям и жадям, / Тою же волей томим* (М. Волошин).

Фиксируются также реминисценции к классическим художественным произведениям, ср.: *Но мы не «наказанье», мы «преступление», / Мы – это дети первой ступени* (Л. Лавров).

10. Антиметафора / уход от метафоры, ср.: *Мы не лапцужныя, / Мы ўжо не тыя, / Досыць мы ў цемры брылі без прыстанку... / Сёння мы ў промнях / Прывабнага ранку, / Моцныя духам, душой малядыя, / Бачым камуны агні залатыя* (П. Броўка); *Нет, мы не скифы. Не пугаем шкурой* (И. Сельвинский); *Мы не призраки. Мы не из сказок, / Не труха за музейным стеклом. / Мы – вся толща седого Касказа* / *Мы столетья берем напролом* (П. Антокольский).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Старычонок, В. Д.* Фрэйм «Другасныя займеннікавыя намінацыі» / В. Д. Старычонок // Мнагазначнасць слова ў беларускай мове. У 3 кн. / В. Д. Старычонок. – Мінск : Калоград, 2017. – Кн. 2. Семантычная прастора чалавека ў мове і маўленні. – С. 201–225.
2. *Виноградов, В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. : Учпедгиз, 1972. – 317 с.
3. *Грамматика русского языка. В 2 т. / под ред. В. В. Виноградова. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1953. – Т. 1. Фонетика и морфология. – 720 с.*

В качестве противоположного случая можно рассматривать примеры типа приводимого ниже, поскольку здесь, наоборот, акцентируется момент ухода от прямой референции в пользу ее замены на метафорическую, ср.: *Среди холодной тьмы / Мы – жертвы искупленья. / И мы – не только мы, / А капелек сцепленье* (В. Шаламов).

11. Амбивалентный метафорический образ, репрезентирующий внутреннюю противоречивую природу коллективного коммуниканта. *Мы – тот корабль, который тонет, / И тот, кто потопил его* (Г. Раевский); *В пучине мира мы – печальный огонь: / либо мы весь мир ослепим, / Или либо нас потушит он* (А. Платонов).

12. Помимо метафорически структурированной утвердительной и отрицательной идентификации МЫ-позиции в языке белорусской и русской поэзии достаточно широко представлен квестивный модус МЫ-метафорики, ср.: *На срыжаваннях сусвету / Хто мы і колькі нас? / Пылінка. Малая пры гэтым. / Драбок галактычных, мае* (В. Зуёнак); *Хто вы такія, у вышыванках / Пані-панове? / З якой стараны? / – Мы – беларускае сцэны світанак, / Дзеці шляхцянак / і дзеці сялянцак, Мы – беларускія дочки, сыны* (П. Гублеўская); *Высь звездная – не та же лярвяска тьмы, / А мы – не шуки ли и караси?* (С. Клячков); *Кто же мы – летающие вздохи / или вздохов моментальный снимок? / Есть какие-то границы / меж парами и туманом. / Или мы – микрочастицы, / чьи параметры туманны? / В этой точке сон не длится: / слишком скорост музыкальна* (А. Еременко); *Но разве мы – лишь пепел, глина, грязь?* (С. Липкин).

Ряд собранных примеров демонстрирует совмещение выявленных и описанных выше семантических моделей. Например, в стихотворении П. Макаля «Каласы» совмещаются органистическая и природная метафоры (мы – каласы, кроплі) с социумной (мы – галасы ў хоры), ср.: *Мы / Мы / Мы / галасы зямной красы, / кроплі ў жытнім моры, / каласы, мы галасы / У небывалым хоры.*

Заключение. Таким образом, в языке белорусской и русской поэзии выработан целый ряд в аналогичных в своем большинстве моделей метафорической репрезентации лирического «МЫ» (суппозитивных коалиционных метафор) как с точки зрения семантики, так и со стороны структуры, но при этом наблюдаются и определенные национально-стилевые особенности анализируемых конструкций в плане реализации ими текстового, когнитивно-дискурсивного и лингвокультурного потенциала.

REFERENCES

1. *Starychonak, V. D.* Frejm «Drugasnnyia zajmennikavyia naminacyi» / V. D. Starychonak // Mngaznchnasc' slova u belaruskaj move. U 3 kn. / V. D. Starychonak. – Minsk : Kolograd, 2017. – Kn. 2. Semantychnaya prastora chalaveka u move i maŭlenni. – S. 201–225.
2. *Vinogradov, V. V.* Russkij yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) / V. V. Vinogradov. – M. : Uchpedgiz, 1972. – 317 s.
3. *Grammatika russkogo yazyka. V 2 t. / pod red. V. V. Vinogradova. – M. : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953. – T. 1. Fonetika i morfologiya. – 720 s.*

4. Граматыка беларускай мовы / рэд. : К. К. Атраховіч (Крапіва), М. Г. Булахаў. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1962. – Т. 1. Марфалогія. – 540 с.
5. Гоготішвілі, Л. А. Непрямое гаворенне / Л. А. Гоготішвілі. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 720 с.
6. Кисель, Е. В. Функциональная семантизация/характеризация личных местоимений как средство создания художественного образа в поэтическом тексте (на материале творчества русских и белорусских авторов XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.01; 10.02.02 / Е. В. Кисель; Беларус. гос. ун-т. – Минск, 2014. – 24 с.
4. Gramatyka belaruskaj movy / red. : K. K. Atrahovich (Krapiva), M. G. Bulahay. – Minsk : Vyd-va AN BSSR, 1962. – T. 1. Marfalogiya. – 540 s.
5. Gogotishvili, L. A. Nepryamoe govorenne / L. A. Gogotishvili. – M. : Yazyki slavyanskih kul'tur, 2006. – 720 s.
6. Kisel', E. V. Funkcional'naya semantizaciya/harakterizaciya lichnyh mestoimenij kak sredstvo sozdaniya hudozhestvennogo obraza v poeticheskom tekste (na materiale tvorchestva russkih i belorusskih avtorov XX veka) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk 10.02.01; 10.02.02 / E. V. Kisel'; Belarus. gos. un-t. – Minsk, 2014. – 24 s.

РЕПОЗИТОРІЙ БГПА